

ЛЕЙТЕНАНТ СЕДОВ ИДЕТ НА ПОЛЮС

LIEUTENANT SEDOV GOES TO THE POLE

Полярная экспедиция лейтенанта Седова на судне "Св. мученик Фока" началась 27 (14) августа 1912 года. Это была последняя по счету попытка достигнуть Северный полюс по льду на собачьих упряжках. План экспедиции предусматривал, что ее участники будут в 1912 году доставлены на Землю Франца-Иосифа на судне, которое в том же году вернется на материк. В 1913 году с наступлением светлого времени полярная партия выступит в поход, достигнет Северного полюса и возвратится обратно на Землю Франца-Иосифа либо, в крайнем случае, в Гренландию.

В состав экспедиции, кроме самого Г.Я. Седова, входили географ В.Ю. Визе, геолог М.А. Павлов, художник Н.В. Пинегин, ветеринарный врач П.Г. Кушаков и 17 человек судового состава. Для экспедиции было выбрано судно "Св. Фока", которое вышло из Архангельска 27 августа 1912

года. Уже в Баренцевом море были встречены тяжелые льды, и экспедиции пришлось зазимовать у северо-западных берегов Новой Земли, у полуострова Панкратьева.

Седов произвел детальную опись и съемку ближайших островов и северо-западного побережья до мыса Флиссингенского. Визе и Павлов с целью изучения внутренней части острова пересекли Новую Землю по ледниковому покрову от западного до восточного побережья. Помимо этого экспедиция осуществила интересные исследования по геологии, метеорологии, гидрологии и гляциологии Новой Земли. Кончилась зима, прошла весна, близилось к концу лето, а льды никак не выпускали "Св. Фоку" из плена.

Только в начале сентября 1913 года "Св. Фока" освободился ото льда и взял курс на Землю Франца-Иосифа. 13 сентября судно подошло к мысу Флора и после неудачных попыток пройти Британским каналом на север, остановилось на вторую зимовку у острова Гукера в бухте Тихой.

Вторая зима прошла в невероятно трудной обстановке. Запас топлива состоял всего лишь из 300 килограммов угольной пыли, пустых бочек и звериных шкур. Зимой судно отапливали звериным салом и междукаютными переборками.

Повальная цинга, охватившая

In the wardroom of the "St. Foka" (Georgy Sedov, third from left)

В кают-компании "Св. Фоки". Справа налево: Н.В. Пинегин, М.А. Павлов, В.Ю. Визе, Н.М. Сахаров, Г.Я. Седов, М.А. Зандер, П.Г. Кушаков

Дрейф "Св. Анны" и
плавание "Св. Фоки",
1912-1914 гг.

The drift St. Anna, and
the sailing of St. Fok,
1912-1914

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
 ... санный путь Седова
 † могила Седова
 ▲ зимовье Нансена

новой пищи экспедиции – солонины и не брезговал, как писал впоследствии В.Ю. Визе, ни скисшим моржовым мясом, ни мясом истощенных собак. От цинги умер механик Зандер, заболел цингой Седов.

Несмотря на болезнь и не считаясь с уговорами участников экспедиции, Г.Я. Седов, фанатически преданный своей идее – достигнуть Северного полюса и водрузить там русский флаг, – 15 февраля 1914 года, взяв с собой матросов Г.И. Линника и А.И. Пустошного, с весьма ограниченным запасом продовольствия, на трех нартах с 24 собаками, отправился на север.

экспедицию, пощадила только немногих ее участников, тех, кто с самого начала отказался от ос-

Вот как я запомнил этот памятный день. Возвратившись с разведки, Седов прошел в каюту;

Sedov's last diary entries (pages 132-4)

СТРАНИЦЫ ПРЕДСМЕРТНОГО ДНЕВНИКА СЕДОВА

Воскресенье, 2 февраля. С утра тихо, пасмурно, температура – 13° Ц. Ночью выпал глубокий снег. Несмотря на это, у нас к отходу все готово. В десять часов отслушали обеденку. Прочли мои приказы. Я, доктор и многие другие прослезались. В одиннадцать часов сели за стол позавтракать. В двенадцать часов под пушечные выстрелы отвалили от судна к полюсу. Провожали нас верст пять вся здоровая команда и офицеры. Сначала дорога была плохая, но зато собакам помогала команда, а затем дорога улучшилась, а в конце Тукера встретили огромные ропаки. Нарты опрокидывались, и люди падали. Я с большими ногами полетел несколько раз. Пройдя около восьми верст, из-за темноты остановились ночевать в проливе за Тукером в четыре часа дня. Собак не кормили, сами же пили только чай. В палатке хорошо, только ноги мои меня беспокоят.

Понедельник, 3 февраля. В девять снялись с лагеря. Дорога скверная. Выпало много снега, и нарты врезаются в него. Собаки еле тащат. Подвигаемся тихо. Шормозан является также третьей нартой, которая без человека. Холод собачий – 35°. Видели свежий медвежий след, который шел с севера на юг.

Вторник, 4 февраля. В девять снялись. В полдень чудная, красная, желанная зоря. Дорога несколько лучше – снег утрамбовало. Собаки идут хорошо, хотя третий день ничего не едят, сало медвежье есть отказались, сегодня дали по галете – свели. Прочли верст пятнадцать, остановились ночевать у конца Кетлиц-ленд. Я шел в рубашке, сильно продрог. Спасаемся примусом, жжем керосину около двух фунтов в день. Сегодня беру в палатку на ночь четырех собак: Куцога, Малышка, Пираба и Пана.

Среда, 5 февраля. В девять снялись. Сегодня прошли тоже около пятнадцати верст и остановились ночевать у мыса Рихтгофен. По пути встретили два старых медвежьих следа. Стали попадаться трещины и полыньи, покрытые уже толстыми салом-чаком. Море Королевы Виктории темное, вероятно, там вода или большие полыньи. Держусь ближе к берегу, по крепкому льду. К вечеру потянул ветер из пролива, а я уцедрился и сегодня шагать в рубашке. Камляю, тяжело очень дышать на ходу, приходится глубоко втягивать в грудь холодный воздух; боюсь, чтобы не простудить легкие. Ноги мои заметно поправляются, опухоль сходит, ребята мои настроены хорошо, охотно идут вперед.

перед тем я передал ему письмо. Георгий Яковлевич пробыл в каюте около получаса, вышел с написанным приказом, в котором он передавал руководство научными работами Визе, а власть начальника – Кушакову. Визе прочитал приказ вслух. Не расходились. Не уходил и Седов. Он несколько минут стоял с закрытыми веками, как бы собираясь с мыслями, чтобы сказать прощальное слово. Все ждали. Но вместо слов вырвался едва заметный стон, и в углах сомкнутых глаз сверкнули слезы. Седов с усилием овладел собой, открыл глаза и начал говорить – сначала отрывочно, потом спокойнее, – голос стал твердым.

"Я получил дружеское письмо. Один товарищ предупреждает относительно моего здоровья. Это правда. Я выступаю в путь не таким крепким, как нужно и каким хотелось бы быть в этот важнейший момент. Пришло время. Сейчас мы начнем новую попытку русских достичь Северного полюса. Трудными русскими в историю исследования Севера записаны важнейшие страницы – Россия может гордиться ими. Теперь на нас лежит ответственность оказать-

ся достойными преемниками наших исследователей Севера. Но я прошу не беспокоиться о нашей участи. Если я слаб – спутники мои крепки; если я не вполне здоров, то посмотрите на товарищей, уходящих со мной, – они так и пышут здоровьем. Даром полярной природе мы не дадимся. – Седов помолчал. – Совсем не состояние здоровья беспокоит меня больше всего, а другое: выступление без средств, на какие я рассчитывал.

Сегодня для нас и для России великий день. Разве с таким снаряжением нужно идти к полюсу? Разве с таким снаряжением рассчитывал я достичь его? Вместо 80 собак у нас только 20, одежда износилась, провиант ослаблен работами на Новой Земле, и сами мы не так крепки здоровьем, как нужно.

Все это, конечно, не помешает исполнить свой долг. Долг мы исполним.

Наша цель – достижение полюса, все возможное для осуществления ее будет сделано".

Седов расстался со своими товарищами. Ему уже не пришлось увидеть их.

Вскоре Седов стал терять сознание: приходя в себя, он сразу хватался за компас и только тогда успокаивался, когда убеждался, что нарты продвигаются на север, к полюсу. Им овладело отчаяние. То и дело он повторял: "Все пропало, все пропало".

Дальше на север дорога становилась все тяжелее. Появились полыньи, слева было видно открытое море. Недалеко от острова Карла-Александра нарта провалилась в молодом льду.

Вскоре разразилась буря. Продвигаться дальше не было никакой возможности. В трех километрах от острова Рудольфа путешественники остановились на отдых.

Седову делалось все хуже и хуже, да и спутники его чувствовали себя неважно. Пустотный несколько раз падал в обморок, из носа и горла у него часто шла кровь.

Седов уже не мог есть, он метался, дыхание его становилось затрудненным и, наконец, совсем прекратилось.

Седов скончался 5 марта 1914 года в 2 часа 40 минут. По-

следние его слова были: "Линник, Линник, поддержи!".

"Минут пятнадцать стояли мы на коленях и молча глядели друг на друга. Затем я взял чистый носовой платок и покрыл им лицо начальника. Пер-

Четверг, 6 февраля. В девять с половиной двинулись дальше. Дорога обратительная. У меня по-прежнему болят ноги и усилился бронхит. В четыре часа остановились на ночевку у мыса Армитэдж. Сегодня снилась Версус, да спасут ее боги!

Пятница, 7 февраля. Сегодня Линник случайно поднял нас в три часа утра; так как мы перележали все бока, то охотно все выползли из мешка, согрели чай, посидели с прищипом до семи с половиной утра. Когда стало сравнительно светло, запрягли собак и в восемь с половиной следовали дальше. От двух до четырех была выюга. Это окончательно нас убilo, мы едва продвигались вперед. Я все время оттирал лицо и все-таки не усмотрел, как немного обморозил нос. В четыре часа стали лагерем у мыса Фишер, пройдя и сегодня около четырнадцати-пятнадцати верст. На ночь пять собак беру в палатку.

Суббота, 8 февраля. Сегодня выехали позднее обыкновенного – около девяти с половиной часов утра. Ветер в лицо при 35° мороза. Пройли пятнадцать верст и остановились в четыре часа ночевать за островом Марии-Елизаветы. Я окончательно простудил себе зрудь. Пгод вечер страшно мхорадит, едва отогрелся у прищипса. Ах, дорогой, дорогой спаситель наш прищипс!

Воскресенье, 9 февраля. Снялись по обыкновению в девять утра и, пройдя около пятнадцати верст, в три с половиной часа стали ночевать у зимовья Хансена. Я до того заболел бронхитом, что не мог идти. Шел впереди Линник, а я сидел на нарте. Этой же нартой я с трудом управлял. Боже, неужели я не поправлюсь до Теплиц-Бай? Не то скандал. Сегодня вечером чай с ромом. Собаки сильно работают. Кормим их досыта – по фунтику и более галет. Ночью мерзлячек беру в палатку.

Понедельник, 10 февраля. Я до того оказался слаб благодаря бронхиту, что не мог десяти шагов пройти вперед. Сидел опять на нарте. Аски протерз, так как был одет для ходь. Едва дотянул до четырех часов, когда остановились ночевать у мыса Климентиса (Маркама). Здесь встретили немного воды и айсберги плавающие, тюлени продушины стали попадаться по тонкому льду. Тюлени сопят и страшно волнуют собак,

вый раз в своей жизни я не знал, что предпринять".

"Совсем не приходило мыслей о будущем, – рассказывал Пустошный, – обо всем, что ждет впереди, что делать с телом, нужда идти, как спастись самим..."

ва. Здесь они и похоронили труп Седова.

Преодолев на обратном пути невероятные трудности, измученные и исхудалые, с обмороженными лицами, Пустошный и Линник с оставшимися 14 собаками 19 марта 1914 года вернулись в бухту Тихую и привезли с собой

тяжелую весть.

"Стояли в молчании, – пишет Н.В. Пинегин. – Только собаки, ласкаясь, радостно визжали. Так вот чем кончается экспедиция, вот куда привела Седова вера в звезду... Как обманывают нас звезды!"

30 июля экспедиция Седова на "Св. Фоке" покинула бухту Тихую и направилась на юг. 2 августа "Св. Фока" подошел к мысу Флора, где восемнадцать лет назад произошла замечательная встреча Нансена с Джексоном.

На долю участников седовской экспедиции выпала не меньшая радость: на берегу они увидели людей. Это были члены экспедиции Г.Л. Брусилова – штурман Альбанов и матрос Конрад. Забрав их на борт, "Св. Фока" двинулся к Мурманскому берегу. Из-за отсутствия угля приходилось использовать в качестве топлива тюлений и моржовый жир, бросать в топку деревянные части корабля: стеньгу, утлегарь, внутреннюю обшивку и даже мебель.

21 августа судно вышло на чистую воду. Через несколько дней "Св. Фока" подошел к становищу Рында на

вероятно, всю ночь бедняги не будут спать.

Вторник, 11 февраля. Сегодня снялись из-за моей болезни в десять часов утра. Я оделся в пижму и полосный костюм и ехал на нарте, как баба. Встретили песцовый след. У Линника шла носом кровь, и у Пустошного до того ноги замерзли, что он по дороге вынужден был надеть пижму. В четыре часа стали на ночевку, пройдя около пятнадцати верст, у земли Александры.

Среда, 12 февраля. Сегодня снялись в восемь три четверти утра. Холод стоял адский: при - 35°, ветер 3 балла и летит снег. Линник подморозил на ногах большие пальцы. Пройли около пятнадцати верст и остановились в четыре часа ночевать у Земли Рудольфа. Палатку изрядно треплет, мы же, как цыгане, сидим вокруг прищуса.

Четверг, 13 февраля. Снялись в девять и пошли в тумане (идет снег). Дорога тяжелая, собаки еле везут. Встретили зайца и лунки, на выстрел не подпустил. В пять часов остановились ночевать, кажется, у Земли Рудольфа – трудно с уверенностью судить, так как в этом месте карта странно неверна. Вечером пришел медведь к палатке, огромный, собаки его погнали. Я, несмотря на болезнь, пошел с Линником на собачий лай. Пройдя кое-как около двух верст, мы нашли медведя сидящим в лунке, окруженного собаками. Я несколько раз стрелял в него с аршинного расстояния, но ружье так замерзло, что не дало ни одного выстрела. Часа через два меня нашла нарта и привезла, как труп, в палатку.

Пятница, 14 февраля. Сегодня в девять часов потащились дальше. Снег, туман, ничего не видно, собаки не везут – караул! Протащились около трех-четырёх верст и стали лагерем у группы маленьких островков между Землями Рудольфа и Александры. Буду здесь стоять, пока не дожусь ясной погоды. Кончился пуд керосину, начали другой.

Суббота, 15 февраля. В десять часов утра ясно, морозу 30°. Пройли через пролив к Земле Рудольфа. Сегодня у воды видели тысячные стада птиц: ломсы и кайры. Я ужасно разбит болезнью: сильнейший бронхит, болит горло и опухли ноги. Лежу все время в мешке, настоящий мученик.

Воскресенье, 16 февраля. Сегодняшний день сидели у пролива и ждали, пока он замерзнет. А он не замерзает – и только; видно, здесь большое течение. Птиц и зверя много. Завтра думаем тащиться на восток, может быть, там обойду воду. Болен я адски и нигде не гожиусь. Сегодня опять мне будут растирать спиртом ноги. Питаюсь только одним какао и водкой, другой ничего думно не принимает. Конечно, съел бы яичко, сметанки, жареного цыпленка и даже чашку кислой капусты. Но где все это?!

Увидели выше гор впервые милое, родное солнце. Ах, как оно красиво и хорошо! При виде его в нас весь мир перевернулся. Привет тебе, чудеснейшее чудо природы! Посвети нашим близким на родине, как мы ютились в палатке, как больные, удроченные под 82° северной широты...

На этой записи дневник Г.Я. Седова обрывается.

Понедельник, 17 февраля... ся

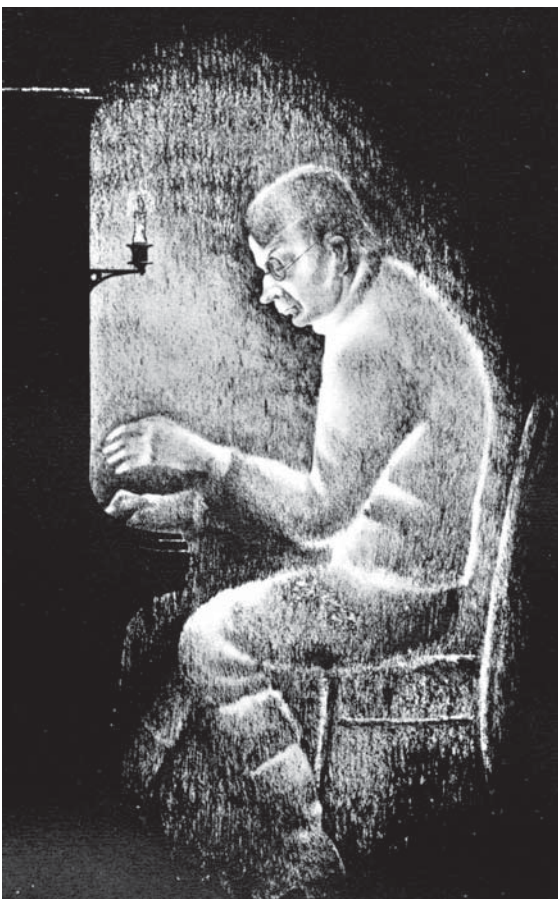

флаг, который Седов собирался водрузить на полюсе.

На флагштоке надпись латинскими буквами: "Экспедиция старшего лейтенанта Седова".

Тут же оказались обрывки брезента, меха и маленький топорик. Ни кирки, ни саней, ни остатков тела найти не удалось.

Все найденные на о. Рудольфа предметы хранятся в музее Арктики в С.-Петербурге.

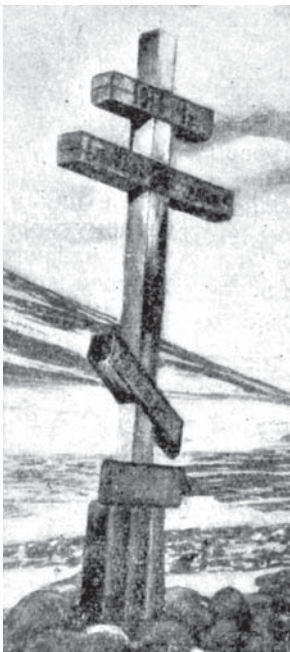
В. Визе за фортепиано на ледоколе "Георгий Седов", 1930

Мурманском побережье и оттуда отправился в Архангельск.

Незадолго до этого началась мировая война, и возвращение экспедиции почти не привлекло внимания общественности. Только морской министр Григорович, недовольный тем, что Седов самовольно продлил себе отпуск, в одной из правительственных газет заявил: "Жаль, что не вернулся Седов, я бы отдал его под суд".

Уже в советское время экспедиция на ледоколе "Георгий Седов" в 1930 году занялась поисками могилы Георгия Седова на мысе Бророк, но не могла обнаружить ее.

В 1938 году зимовщики полярной станции на острове Рудольфа нашли на мысе Аук, километрах в семи от Теплиц-Бай, несколько предметов, несомненно, из могилы Г.Я. Седова. Были найдены: флагшток и истлевший

Крест, установленный Г.Я. Седовым на Новой Земле в бухте Тихой, 1914

Г.Я. Седов перед походом к Северному полюсу (последняя фотография. 1914)